

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.30>

Кожоева Гулжамал Жайлообаевна, Акматова Дилбар Сарыбаевна

ОБ ИМИТАТИВАХ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена характеристике состава и семантики образных слов киргизского языка, выявлению и описанию их функционально-грамматической специфики. Рассматриваются основные подходы к изучению имитативов в тюркских языках и предложена новая классификация этой группы лексем. В грамматиках киргизского языка выделяются только две разновидности образных слов. Авторы приводят доводы для различения в этом языке пяти групп имитативов и ряда промежуточных подгрупп. В работе описываются лексико-семантические особенности всех разновидностей имитативов киргизского языка, устанавливаются их эквиваленты в русском языке, необходимые для сопоставительного изучения языков и практики обучения второму языку в условиях киргизско-русского билингвизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 352-356. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Another significant problem that hinders the translation process and poses a cultural gap is the non-equivalence of culture-bound terms and using improper translation techniques and procedures. Depending on the types of texts, the main aim of translation is sometimes transmitting cultural values to the target audience; in this case, we are quite against applying reduction or omission, since this translation procedure can cause a gap between source and target cultures. The best suggestion for handling this difficulty is to use the translation procedures of couplet, descriptive equivalent, adaptation, addition, calque and substitution when necessary.

References

1. **Catford J. C.** A Linguistic Theory of Translation. L.: Oxford University Press, 1965. 110 p.
2. **Longman Dictionary of Contemporary English.** 4th, new ed. Harlow: Longman, 2003. 1949 p.
3. **Newmark P.** A Textbook of Translation. N. Y.: Prentice Hall, 1988. 306 p.
4. **Seyid-zade D.** Azerbaijan in the Beginning of the XX Century: Roads Leading to Independence. Baku: OKA Offset, 2011. 344 p.
5. **Bayramov Q.** Tərcümə sənəti. Bakı: OKA Offset, 2009. 218 s.
6. **Cəfərova V.** Sosial təsisatlar. Bakı: Elm, 2000. 27 s.
7. **Əhədov A.** Azərbaycanca din və dini təsisatlar. Bakı: Azərənşr, 1991. 200 s.
8. **Nağıyeva B.** Vədii tərcümə: nəzəriyyə və praktika [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.bsu.az/yenii/yeni_kitablar/1411919779.pdf (дата обращения: 25.05.2018)
9. **Seyid-zadə D.** Azərbaycan XX əsrin əvvəllərində: müstəqilliyə aparən yollar. Bakı: OKA Offset, 2004. 348 s.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНЫХ ТЕРМИНОВ, СУЩЕСТВОВАВШИХ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА, НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДИЛЯРЫ СЕЙД-ЗАДЕ «АЗЕРБАЙДЖАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ДОРОГА К НЕЗАВИСИМОСТИ»)

Касымова Гюнель Эйнуллы кызы
Азербайджанский университет языков, Баку
gunel-aysun@hotmail.com

В начале XX века Азербайджан прошел множество стадий в своем развитии под влиянием чужеродных культур, а затем провозгласил независимость, поэтому азербайджанский лексикон богат единицами, отражающими культурное и национальное наследие этого периода. Интерес к азербайджанской культуре в других странах, возросший в последние десятилетия, обуславливает актуальность исследования особенностей перевода вышеупомянутых лексических единиц на другие языки, вызывающего особые трудности у специалистов. Незнание их этимологии, отсутствие эквивалентов в языке перевода, двусмысленность значения даже в языке оригинала и другие факторы приводят к ошибкам при переводе.

Ключевые слова и фразы: реалии; культурно-специфичные термины; непереводаемость; лингво-культурные проблемы; национальные и заимствованные культурно-специфичные термины; институциональные термины.

УДК 811.512

Дата поступления рукописи: 12.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.30>

Статья посвящена характеристике состава и семантики образных слов киргизского языка, выявлению и описанию их функционально-грамматической специфики. Рассматриваются основные подходы к изучению имитативов в тюркских языках и предложена новая классификация этой группы лексем. В грамматиках киргизского языка выделяются только две разновидности образных слов. Авторы приводят доводы для различения в этом языке пяти групп имитативов и ряда промежуточных подгрупп. В работе описываются лексико-семантические особенности всех разновидностей имитативов киргизского языка, устанавливаются их эквиваленты в русском языке, необходимые для сопоставительного изучения языков и практики обучения второму языку в условиях киргизско-русского билингвизма.

Ключевые слова и фразы: имитативы; мимемы; звукоимитативы; светоимитативы; имитативы действия; психоимитативы.

Кожоева Гулжамал Жайлообасевна
Ошский государственный университет
gulkyrgyz@mail.ru

Акматова Дилбар Сарыбаевна
Ошский медицинский колледж
gulkyrgyz@mail.ru

ОБ ИМИТАТИВАХ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Актуальность темы статьи состоит в значимости целостного описания имитативов для сравнительной грамматики тюркских языков и практики обучения киргизской разговорной речи в иноязычной аудитории, а ее новизна – в обосновании необходимости всестороннего рассмотрения имитативов в тюркских языках,

в определении их общих лексико-грамматических свойств на материале киргизского языка и в сопоставительном изучении киргизских имитативов с их эквивалентами в русском языке. В традиционных грамматиках киргизского языка различаются только два типа этого класса слов – звукоподражательные и образоподражательные слова [1, с. 234-238; 2, с. 466-470; 10, с. 84; 12, с. 164]. При таком подходе многие имитативы языка с натяжкой распределяются между этими двумя типами или остаются за их пределами. Исходя из этого, мы ставим своей целью разработать такую модель имитативов для киргизского языка, которая бы наиболее полно и естественно отражала систему и состав соответствующих лексико-грамматических единиц языка. В отличие от других групп лексем, имитативы в киргизском языке характеризуются рядом специфических свойств: во-первых, они передают зрительно-моторные, звуковые и психико-чувственные образы предметов и явлений окружающего мира; во-вторых, морфологически не изменяются; в-третьих, имеют ограниченный лексический состав; в-четвертых, обладают особым фонетическим обликом, отличным по внешней форме от других слов; в-пятых, им свойственна фоносемантика, проявляющаяся в том, что за отдельными звуками закреплены те или иные виды значений; в-шестых, эти слова по-особому разворачиваются в дискурсе, допуская различные типы дублетов, повторов, гнездо- и синтагмообразования; в-седьмых, они употребляются исключительно в разговорной речи.

Изучение образных слов в тюркологии имеет длительную историю и было начато трудами Н. И. Ашмарина. Особого внимания заслуживает его книга под названием «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке», изданная в Казани в 1928 году [4, с. 4-5]. Он ввел в науку термин «мимология», называющий дисциплину, которая изучает систему образных слов в языке. Идеи Н. И. Ашмарина развиваются в трудах Б. М. Юнусалиева, С. К. Кудайбергенова, Г. Е. Корнилова, М. Х. Жубановой, К. Ш. Хусаинова, С. В. Щербакова, К. З. Зулпукарова и других тюркологов [5, с. 367; 6, с. 39; 8, с. 6-13; 9, с. 5-7; 10, с. 152-188; 11, с. 60; 12, с. 163-164].

Объект изучения мимологии получил разные названия – «подражание» (Н. И. Ашмарин), «мимемы» (Н. А. Баскаков), «подражательные слова» (А. И. Исхаков), «образные слова» (Л. Н. Харитонов), «имитативы» (Г. Е. Корнилов) и т.д. [3, с. 37-38; 13].

Доказано, что имитативы являются одним из древнейших пластов лексики языка. С их помощью первобытные люди воспроизводили звуки и образы природных процессов и передавали подражания звучащим объектам – рычанию хищников, ржанию лошадей, бляению коз, шуму морских волн или водопада, подражания огню, солнцу, молнии, бликам и другим световым явлениям, выражали различные чувства и эмоции людей (страх, радость, гнев и т.д.) в результате воздействия этих объектов на их сознание. Основная масса современных имитативов формировалась на базе древнейших подражательных междометий, далее постепенно развивалась, обогащалась, совершенствовалась, фонетически преобразуясь и превращаясь в языковые знаки. Иначе говоря, в процессе развития языка первичная звукоподражательная система частично трансформируется в звукоимитационную. В настоящее время имитативы «передают не только и не столько звучание объектов внешнего и внутреннего мира, сколько ритмику действий, движений и состояний, включая и имитацию отсутствия тех или иных свойств и качеств» [8, с. 4-5]. В них звукоподражание и звукоимитация слиты воедино и однозначно не разграничиваются.

Исходя из изложенного, попытаемся кратко охарактеризовать имитативы киргизского языка.

В киргизском языке целесообразно различать несколько групп образных слов:

- 1) звукоимитативы;
- 2) светоимитативы;
- 3) имитативы движения и действия;
- 4) имитативы-мимемы;
- 5) психоимитативы.

Каждая из этих групп образных слов имеет свой состав, свои типы значений и способы образования новых слов.

Самыми многочисленными являются звукоимитативы, т.е. слова, которые выполняют **звукоподражательную функцию** в языке. Они выражают установленные в языке понятия и представления о звуковых проявлениях окружающего материального мира.

Например, в киргизском языке существуют такие звукоподражательные слова: *маа* – звукоподражание бляению овец и коз, *мөө* – звукоподражание мычанию коровы, *каак* – звукоподражание крику ворон, *шалп* – звукоподражание шлёпанию, *карс* – звукоподражание треску, резкому звуку, *чарт* – звукоподражание резкому треску, *кыйч* – звукоподражание скрипу, *тарс* – звукоподражание выстрелу, удару. За этими словами данные значения закреплены условно, по привычке, передаваясь от поколения к поколению. Названные имитативы не передают подражаемые явления точно так, как они есть в действительности. Подражания в речи только приблизительно сходны со звуками, издаваемыми животными или ружьём.

Звуковые явления в природе могут иметь многочисленные оттенки, но язык ограничен в своих возможностях выражать все их различия. Поэтому вполне понятно, что подражательные основы только приблизительно отражают слышимое звуковое явление. Средством отображения служат согласные и гласные фонемы данного языка, те или иные сочетания которых ассоциируются с тем или иным звуком. При этом гласные фонемы употребляются для передачи силы звука. Гласные заднего ряда *a* и *y* указывают чаще всего на силу подражаемого звука; широкий, верхнего подъема *a* употребляется при сильном и более или менее чистом звуке, узкий *y* – при слабом звуке. Для подражания приглушенным, глухим звукам чаще всего выступают губные гласные *o*, *o*, *y*, *y*, из которых при наиболее сильном приглушенном звуке употребляется препалатальный *y*.

Такая возможность различения характера подражаемых звуков широко используется в языке. Поэтому неудивительно, когда для выражения однородного звукового явления существует в языке до восьми вариантов одной и той же основы, различающейся только по гласной фонеме, иначе говоря, в киргизском языке имеется столько вариантов, сколько существует в языке гласных фонем. Так, для выражения различных оттенков, например звука барабанного боя, в современном киргизском языке употребляются следующие варианты одной и той же основы:

- 1) *даң* – подражание сильному и чистому звуку от удара, например, по барабану;
- 2) *дең* – подражание гулу слабо натянутого барабана;
- 3) *доң* – более сильный звук барабанного боя, чем при *дең*, но приглушенный;
- 4) *дөң* – подражание приглушенному звуку барабанного боя;
- 5) *дуң* – подражание сильному, но приглушенному звуку, например, от удара по барабану;
- 6) *дүң* – чаще встречается в паре с *даң*: *даң-дүң* – подражание звуку барабана различной силы (то сильный, то слабый);
- 7) *дың* – подражание звуку, возникающему при слабом щелчке по барабану; употребляется чаще для подражания звуку слабо натянутой струны, например, комуза – национального музыкального инструмента;
- 8) *диң* – близок по значению к *дың*, но редко употребляется.

Все эти варианты в той или иной мере встречаются в живой речи не только для подражания гулу барабанного боя, но и для подражания различным звуковым явлениям, сходным по звучанию с гулом барабана или со звоном других гулких предметов. Характерно, что значения указанных вариантов, равно как степень пассивности или активности в употреблении некоторых из них, совпадают во всех диалектах и говорах киргизского языка. Наиболее активными в речи оказываются контрастные варианты: *даң* для самого сильного звука, *дың* для слабого по тону звука и *дуң* для подражания сильному, но приглушенному звуку.

Приведенные выше примеры употребляются в речи в начальной форме, не изменяются и вводятся в дискурс с помощью вспомогательных глаголов *де* и *эт* в различных временных, залоговых, личных и других формах. Повтор слов передает интенсивность, длительность и повторяемость соответствующих звуков [7, с. 42]. Ср., например: *Мылтыктын тарс эткен үнү угулду* «Послышался выстрел из ружья»; *Мылтыктын тарс-тарс эткен үнү угулду* «Послышались выстрелы из ружья» [13, кн. 2, с. 209]. Повтор звукоподражания порусски передается формой существительного во множественном числе.

Приведем другой пример. Слово *тып* выражает звукоподражание однократному топоту ребенка или падению капли воды. В предложении *Бала тып-тып басат* «Ребенок ходит с легким стуком» слово передает повторяющийся топот ног ребенка во время ходьбы.

В ряде слов выражаются **световые и цветовые образы предметов и явлений**. Например, слово *жылт* имеет значение «мгновенное, неожиданное действие слабого света или его блеск», слово *жалт* – «мгновенное, неожиданное действие яркого света и его блеск», повтор этих слов в виде *жалт-жулт* – «длительный блеск чередующихся слабого и яркого света (чаще всего в темноте)». Основа *жал* в значении образного слова в киргизском употребляется в паре *жал-жал* чаще с глаголом *кара-* «смотреть»: *мага жал-жал карайт* «он (она) на меня посматривает глазами, которые блестят». Имеется у киргизской молодежи лирическая песня под названием «Жал-жалым» в значении «моя любимая», «мой светик». Слово *жал-жалым* употребляется при обращении парня к любимой девушке.

Основа *жал* сопоставляется нами с ныне мертвым глаголом *жал-*, от которого образовано исторически производное *жалын* «пламя». В чувашском основа эта бытует в значении образного слова для световых проявлений. В этом языке слово *йал* означает неожиданное воспламенение и образное представление об улыбке [4, с. 38]. Ср. кирг., казах., татар. и др. *жылмай*, туркм. *йылгыр* – «улыбаться» [14, с. 181].

В современном киргизском и других родственных языках основа *жал* (*йал*, *жыл*, *йыл*, *жул*, *йул*) употребляется с финальным отличителем *-т* или *-п*.

Отличитель *-т*, как в звукоподражаниях, придает оттенок неожиданности, резкости: *жалт: жалт эт* «поблескивать (об одном резком или неожиданном поблескивании)», *жалт-жалт эт* то же самое, но о многократном поблескивании; вариант с узким гласным *ы* (*жылт эт*; *жылт-жылт эт*) передает то же значение, но содержит информацию о небольшом источнике огня. Редупликация основы с гласными широкого *а* и узкого губного *у* в виде *жалт-жулт* передает значение о неоднократном поблескивании, но источник огня здесь разной величины или разной резкости. Основы *жалт-жылт*, употребляясь в переносном значении, выражают неожиданность, быстроту или резкость движения: *ал эшиктен жылт чыгып кетти* «он моментально вышел из двери»; *жалт карады* «он вдруг посмотрел».

Изменение гласного основы и присоединение отличителя *-т* с теми же значениями имеют место во всех родственных языках. Для краткости приведем пример из наиболее отдаленного среди тюркских – чувашского языка: чув. *йалт* обозначает вспышку пламени; *йәлт* обозначает вспышку или сверканье огня меньшей силы, чем *йалт* [4, с. 48-49].

Основа с отличителем *-п* не выражает значение о воспламенении или вспышке, но передает значение неожиданности или внезапности потухания: *от жалп этип өчтү* «огонь вдруг потух». Сочетание с вспомогательным глаголом *эт: жалп эт*, вступая в сочетание с другим глаголом, чаще выражает значение неожиданности, внезапности, связанной с действием расплющивания; ср. *этеги жалп этип, отуруп калды* «он сел, расстилая (вдруг) полу (одежды)».

С помощью отличителя *-р*, придающего оттенок продолжительности или множества световых явлений, от основы *жалт*, *жылт*, *жалп* образуются производные основы второй степени: *жалтыр* обозначает относительно

продолжительный, однократный и сильный блеск или вспышку огня; ср. чув. *йалтӳрр* подражание однократному, довольно продолжительному блеску ярко сверкнувшей молнии [Там же, с. 10]. Вариант с узким гласным *ы* – *жылтыр* передает в киргизском то же самое значение, что и *жалтыр*, с той лишь разницей, что здесь источник огня гораздо меньше по величине. Редупликация основы имеет оттенок многократности: *жалтыр-жалтыр* обозначает многократное, довольно продолжительное поблескивание; *жылтыр-жылтыр* с тем же основным значением, но об источнике огня меньшей силы.

Имитатив *бул-бул* «тусклый, чуть мерцающий» употребляется в адъективной и адвербиальной функциях или в составе предиката. Ср.: *Көзү бул-бул тартты* «Глаза его потускнели». Названные светоимитативы часто употребляются в начале агглютинативных образований: *булбулдөйт* «мерцает», где *-дө* – словообразовательный суффикс глагола с императивным значением, *-й* – деепричастный суффикс, *-т* – лично-предикативный суффикс 3 л. ед. ч. в значении «он, она, оно»; *жалтылдайт* «блестит» (*-ыл* – суффикс страдательного залога, *-да* – суффикс глагола с императивным значением, *-й* – суффикс деепричастия, *-т* – признак 3 л. ед. ч. в значении «он, она, оно»).

К данной группе имитативов относится очень продуктивное слово *мөл* «прозрачный, чистый (до прозрачности)», *мөл туз* «чистейшая (до прозрачности) каменная соль», *мөлт-мөлт* «подражание блеску (о слезе, капле росы, воды)», *мөлт эте туштү* «вдруг блеснуло», *мөлт этип* «заблеснув», *мөлт-мөлт этип* «поблескивая» и др. Повторяющийся имитатив в сочетании с вспомогательным глаголом в деепричастной форме переводится на русский язык деепричастием несовершенного вида, а одиночный – деепричастием совершенного вида.

Имитативы, передающие **образы действия и движения**, многочисленны. Они имеют своеобразную семантику. Переводить их на другие языки очень сложно.

Имитативы образа действия оканчиваются на *-н*, *-к*, *-й* и передают живописующее значение. Они как бы образно описывают характер, масштаб, конфигурацию, скорость и другие особенности действия.

Приведем отдельные примеры: слово *далдай* выражает несуразный, неуклюжий, растерянный вид, слово *далдаң-далдаң* – то же самое, но в движении, слово *багжай* – состояние человека с широкими плечами, с окладистой бородой, слово же *багжаң-багжаң* – благодушие, веселое настроение такого человека; слово *кайкай* – вид человека с откидывающимся назад корпусом, слово *кайкаң-кайкаң* – движение такого человека [13, кн. 1, с. 318]. В этой группе примеров имитативы на *-й* обозначают то или иное состояние и образ человека, а имитативы на *-н*, повторяясь, представляют образ в динамике. Приведем отдельные примеры, в которых гласные выполняют смыслоразличительную функцию:

1) *тайтай* «расставить (ноги в разные стороны)», *тойтой* «сидеть неуклюже, расставив ноги (чаще о ребенке), искривиться (об обуви)»; *туйтуй* «растопырить (о коротких ногах)»;

2) *кайкай* «откинуться назад (о корпусе), выгнуться: важничать, мнить о себе», *койкой* «иметь изящную нормальной длины шею или вытягивать шею, чтобы она казалась изящной»;

3) *чакчай* «выпучиться (о глазах)»; *чокчай* «торчать, иметь вид торчащего», *чукчуй* «иметь вид торчащего (напр., об остроконечном головном уборе)»;

4) *саксай* «быть лохматым, взлохмаченным», *соксой* «подняться копной (о волосах); быть косматым, развеваться (о волосах); (перен.) злиться, злобно набрасываться»;

5) *даңкай* «выдаваться, гордо вздыматься, выпячиваться; казаться громоздким», *дүңкүй* «быть большим, толстым, грузным»; *чоккодой дүңкүйгөн* «грузный, как свинья».

Некоторые образные глаголы сохранились в одном варианте:

1) *талтай* «стоять неуклюже, расставив ноги врозь»;

2) *талтай* «раскорячиться»;

3) *салтай* «болтаться (об одежде); иметь неуклюжий вид в висящей одежде».

К данной группе образных слов близки **«портретные» имитативы**, которые метафорически изображают физиологические, интеллектуальные, эмоционально-чувственные и другие черты лица и внешности человека. Приведем отдельные примеры в деепричастных формах в функции определения к имени действия *жылмаюу* «улыбка/улыбаться», совмещающему значения русского инфинитива и отглагольного существительного:

1) *мулүя (мултуюп, мултуюңку, мулуңдап...)* *жылмаюу* «скрыто-довольная улыбка человека с хитрым выражением лица»;

2) *мултүя (мултуюп, мултуюңку, мулуңдап...)* *жылмаюу* «скрыто-довольная улыбка человека с крупным лицом, имеющим нехитрое выражение»;

3) *мустая (мустайып, мустайыңкы, мустандап...)* *жылмаюу* «равнодушно-холодная улыбка человека с худым и бледным лицом»;

4) *мылыя (мылтыйып, мылтыйыңкы, мылыңдап...)* *жылмаюу* «неопределенная улыбка умственно ограниченного человека с худым лицом»;

5) *мылтыя (мылтыйып, мылтыйыңкы, мылтыңдап...)* *жылмаюу* «неопределенная улыбка интеллектуально ограниченного человека с крупным и жирным лицом»;

6) *ырсая (ырсайып, ырсайыңкы, ырсаңдап...)* *жылмаюу* «улыбаться, ослабившись (о человеке с худым лицом), усмехнуться (ослабившись)»;

7) *ыржая (ыржайып, ыржайыңкы, ыржаңдап...)* *жылмаюу* «улыбка во весь рот (с оскалом зубов)» и т.д. [5, с. 367-369; 6, с. 38-39]. Подобных примеров очень много. Число атрибутов может быть увеличено. Приведенные атрибуты имеют различия: имитатив с аффиксом *-а* выражает значение продолжительности, имитатив на *-ын/-уп* – значение завершенности, формы на *-ыңку/-уңку* – слабую степень проявления, формы на *-дап* – интенсивность и повторяемость.

Психоимитативы – это такие образные слова, которые отражают изменения в психике человека.

В киргизском языке немало таких слов, за которыми закреплена способность передавать ощущения, чувства, эмоции человека, психические изменения в его сознании. Например, слова *зыр* и *зыр-зыр* приспособлены к выражению сильного испуга человека. Например, *Жүрөгүм зыр дей түштү* «Сердце у меня ёкнуло / я сильно испугался». При повторе передается сильная степень проявления продолжительного неприятного чувства от страха. Эти слова употребляются и с конечным *-п*: *зырп* и *зырп-зырп*, которые выражают те же значения, что и первые: *Жүрөгү зырп этти* «Его сердце дрогнуло (ёкнуло)» [13, кн. 1, с. 297].

Слово *кылт* приспособлено к выражению мгновенного вспоминания случая или события: *Алдаганы кылт эсиме түштү* «Я сразу (моментально) вспомнил, как он обманул меня». Иногда имитативы передают болевые ощущения. Так, слово *чым* в предложении *Этим чым эте түштү* «У меня тело замозжило / Мне стало очень больно» [Там же, кн. 2, с. 388] семантизирует чувство неожиданно наступившей боли.

Имитативы имеют разветвленную словообразовательную систему. Их дериваты сохраняют, усиливают и обогащают семантику корня. Имитативы *зыр* и *зырп* синонимичны, вступают между собой в отношения производящего и производного. Только производная форма имеет оттенок резкости и интенсивности. От них образуются глаголы: 1) *зырылда/зыркыра* «мозжить, сильно болеть; испытывать душевную горечь», *зырылдап/зыркырат* «огорчать, заставить испытывать душевную боль»; 2) *зырылда* «мозжить, сильно и долго болеть; испытывать сильную душевную боль», *зырылдап* «огорчать, заставляя ощущать сильную душевную горечь» и т.д.

Исходя из вышеизложенного, можем сформулировать некоторые новые научные результаты:

- 1) обоснован вывод о необходимости различения в тюркских языках пяти типов имитативных лексем;
- 2) установлен комплекс лексико-грамматических свойств, определяющих сущность данного класса слов (образность семантики, ограниченность лексического состава, морфологическая обособленность и неизменяемость, звуко-символизм, своеобразие формо-, слово- и синтагмообразования, принадлежность к разговорно-бытовой речи) и необходимых для описания образных слов других тюркских языков;
- 3) определены русские эквиваленты имитативов киргизского языка, важные для соответствующего раздела сопоставительной грамматики этих языков и для практики обучения языку в условиях киргизско-русского билингвизма.

Список источников

1. Абдувалиев И. А. Кыргыз тилинин морфологиясы. Бишкек: Бийиктик, 2008. 284 с.
2. Азыркы кыргыз адабий тили / гл. ред. Б. О. Орузбаева. Бишкек: Бийиктик, 2009. 928 с.
3. Акматова Д. С. О психоимитативах в киргизском языке // Языки в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. Ош: Изд-во Ошск. гос. ун-та, 2017. С. 37-44.
4. Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928. 187 с.
5. Зулпукаров К. З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. Бишкек: Бийиктик, 2016. 768 с.
6. Зулпукаров К. З. Падежная грамматика: теория и прагматика. СПб. – Ош, 1994. 317 с.
7. Кожоева Г. Ж. Некоторые теоретические проблемы фигуры повтора. Бишкек: Аракет-принт, 2014. 196 с.
8. Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. 291 с.
9. Кудайбергенов С. К. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе: Киргучпедгиз, 1957. 88 с.
10. Орузбаева Б. О. Слово. Бишкек: Илим, 1994. 260 с.
11. Хусаинов К. Ш., Жубанова М. Х. Проблемы фоносемантической деривации. Алматы: Гылым, 1998. 156 с.
12. Щербаков С. В. Конвенциональность как двуплановая делимитация языкового знака // Исследования по киргизскому и казахскому языкознанию. Фрунзе: Илим, 1984. С. 161-164.
13. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь: в 2-х кн. М.: Сов. энц., 1985. Кн. 1. 503 с.; Кн. 2. 474 с.
14. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе: АН Кир. ССР, 1959. Ч. I. 247 с.

IMITATIVE WORDS IN THE KYRGYZ LANGUAGE

Kozhоеva Gulzhamal Zhailoobaevna

*Osh State University
gulkkyrgyz@mail.ru*

Akmatova Dilbar Sarybaevna

*Osh Medical College
gulkkyrgyz@mail.ru*

The article analyzes the structure and semantics of the Kyrgyz figurative words, identifies and describes their functional and grammatical peculiarities. The authors examine the basic approaches to studying imitative words in the Turkic languages and propose a classification of this lexical group. The Kyrgyz grammar textbooks mention only two types of figurative words. The authors give arguments to distinguish five groups of imitative words and some intermediate subgroups in the mentioned language. The paper describes the lexico-semantic peculiarities of all the types of the Kyrgyz imitative words, provides their Russian equivalents, which contributes to the comparative study of the languages and to the practice of the second language teaching under the conditions of the Kyrgyz-Russian bilingualism.

Key words and phrases: imitative words; mimemas; sound imitative words; light imitative words; imitative words of action; psycho-imitatives.